ОРДЕНА ЛЕНИНА И ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ
АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

На правах рукописи

ДУДАРЕВ Сергей Леонидович

УДК

РАННИЙ ЭТАП ОСВОЕНИЯ ЖЕЛЕЗА НА ЦЕНТРАЛЬНОМ ПРЕДКАВКАЗЬЕ И В БАССЕЙНЕ р. ТЕРЕКА

(IX—VII вв. до н. э.)

Исторические науки — 07. 00. 06 — археология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

КИЕВ — 1983

Работа выполнена на кафедре всеобщей истории Чечено-Ингушского государственного университета имени Л. Н. Толстого.

Научный руководитель — доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР и ЧИАССР ВИНОГРАДОВ В. Б.

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор ШРАМКО Б. А.

кандидат исторических наук ВОРОНОВ Ю. Н.

Ведущая организация — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.

Защита состоится «____» _____ 1983 года в «____» часов на заседании специализированного совета по защите докторских диссертаций при Институте археологии АН УССР шифр ДО 16.47.01, 252014, г. Киев, ул. Выдубецкая, 40.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института археологии АН УССР.

Автореферат разослан «____» _____ 1983 года.

Ученый секретарь специализированного совета
кандидат исторических наук ВАКУЛЕНКО Л. В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы определяется прежде всего той особой ролью, которую сыграл ранний железный век в истории развития материального производства и общественных отношений. Яркая характеристика, данная Ф. Энгельсом эпохе "железного меча, плуга и топора"[1], послужила советской исторической науке методологической основой для разработки многих проблем этого периода древней истории применительно к различным историко-культурным областям СССР.

Большинство работ, посвященных исследованию древностей периода раннего железа на Северном Кавказе, касается общих вопросов культурно-исторического развития северокавказских племен раннежелезного века. Работы, содержащие специальный анализ процесса освоения железа в регионе, еще очень редки. Наименее изучен начальный этап освоения железа на территории Центрального Предкавказья и бассейна р.Терека.

Цель исследования состоит в разностороннем изучении характера и особенностей раннего освоения железа в указанном ареале. Автором привлечены археологические материалы, относящиеся к началу освоения железа на сопредельных территориях Северного Кавказа, а также в Юго-Восточной Европе и Закавказье, которые будут способствовать выяснению степени влияния железоделательного производства этих областей на черную металлургию местных племен.

Задачи исследования: 1) определение районов местной железорудной базы; 2) выяснение времени появления, путей и этапов распространения, возможных причин разных темпов внедрения железа в быт обитателей Центрального Предкавказья и бассейна р.Терека; 3) характеристика коллекции железных и биметаллических изделий из памятников исследуемой территории; 4) выявление роли железа как критерия датировки в системе хронологии местных памятников предскифского времени.

Научная новизна работы: впервые предпринимается специальное исследование раннего этапа процесса освоения железа населением указанной территории, прежде всего ее предгорно-плоскостной (равнинной) части, где выявлены основные источники по изучению местной культуры начала I тысячелетия до н.э. При этом уточняется время появления железных изделий в культуре автохтонного населения,

---

1. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т.21, с. 159-164.

выделяются и аргументируются дробные этапы распространения этого металла в IX-УП вв. до н.э., для чего предпринято хронологическое расчленение памятников исследуемой территории. Автор попытался более четко отграничить памятники эпохи поздней бронзы от памятников раннежелезной эпохи. В работе сделан существенный шаг в толковании некоторых особенностей культурно-исторического процесса в изучаемом ареале, находившемся в неразрывных сложных связях с синхронными культурами Юго-Восточной Европы и Закавказья. При выяснении причин разных темпов освоения железа населением данного ареала автор опирался на впервые проделанную им работу по характеристике возможных источников добычи железной руды в крае. Исследуется роль железа как критерия датировки применительно к материалам, представленным в диссертации.

Источниковедческую базу работы составляют материалы 450 погребальных комплексов и пяти наиболее раскопанных поселений предгорно-плоскостной зоны Центрального Предкавказья и бассейна р.Терека, исследованных в основном в 50-70 гг. (Е.И. Крупнов, Р.М.Мунчаев, В.Б. Виноградов, А.П. Рунич и Н.Н. Михайлов, В.Б. Ковалевская, В.И. Козенкова и др.). Часть использованных материалов добыта самим автором или при его участии в составе Предгорно-плоскостной археологической экспедиции Чечено-Ингушского государственного университета им. Л.Н. Толстого (руководитель В.Б. Виноградов). В работе задействованы опубликованные, а также архивные материалы, хранящиеся в ИА АН СССР, Чечено-Ингушском институте истории, социологии и филологии, Территориальном фонде Северокавказского геологического управления (г.Ессентуки), коллекции из фондов Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея и Кисловодского филиала Ставропольского музея им. Г.К. Праве. Автор выражает глубокую благодарность А.П. Руничу, любезно разрешившему использовать в работе большое количество своих неопубликованных материалов УШ-УП вв. до н.э. из района Кавминвод, а также Б.А. Шрамко, Л.А. Солнцеву, Т.Б. Барцевой и Л.П. Грубник-Буйновой, оказавшим неоценимую помощь в химико-технологическом исследовании ряда представленных в диссертации железных, биметаллических и бронзовых предметов.

Апробация результатов исследования осуществлялась в виде публикации научных статей в археологических изданиях и выступлений с научными сообщениями. По итогам своих изысканий автор выступил с докладами на Ш-X "Крупновских чтениях" (1973-1980 гг.), конференциях по итогам научно-исследовательской работы ЧИГУ

им. Л.Н.Толстого (1973, 1974, 1981 гг.), Ш Донской региональной конференции археологов Северного Кавказа и Нижнего Дона (1976 г., Ростов-на-Дону), ХУП научной конференции ИА АН УССР (1976 г., Ужгород), Всесоюзном совещании по вопросам периодизации и хронологии памятников эпохи поздней бронзы - раннего железа Кавказа (1978 г., Сигнахи Груз. ССР), Всесоюзном симпозиуме "Вопросы происхождения и хронологии скифской культуры" (1979 г., Ленинград), на заседании отдела раннежелезного века ИА АН УССР (1981 г., Киев), Всесоюзном симпозиуме "Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа" (1982 г., Ереван). В докладах и опубликованных статьях отражены главные положения и выводы настоящей работы.

Практическая ценность работы состоит в применении (реальном уже сегодня, когда используются данные опубликованных автором работ) полученных результатов при написании обобщающих и конкретных работ по археологии и древней истории Кавказа и Юго-Восточной Европы. Итоговые выводы и фактические материалы диссертации могут быть полезны для подготовки археологических и историко-краеведческих спецкурсов в вузах.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения. К работе прилагаются: список использованной литературы и альбом иллюстраций.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении сформулированы цели и задачи исследования, дается обоснование его территориальных границ и хронологических рамок. Здесь же осуществлена характеристика природных условий, способствовавших развитию железоделательного производства у местных племен. В изучаемом ареале и в непосредственной близости от него известен целый ряд отдельных проявлений железной руды, а также довольно крупных месторождений с разнообразными типами руд (красный, бурый, магнитный железняк, сферосидериты и пр.). В Центральном Предкавказье следует выделить Бечасын-Бермамытское и особенно Малкинское месторождения, содержащие вполне доступные для открытой разработки запасы природнолегированных руд. Очень важна чистота этих руд относительно серы и фосфора, ибо при сыродутном способе выплавки железа нежелательно использование руд, содержащих серу, так как при плавке она, соединяясь с металлом, резко ухудшает его качество (А.А. Байков). Поэтому руды Малки и по своим крупным запасам (почти 50 млн. тонн), и по выдающемуся качеству могли иметь в древнос-

ти особое значение для развития сыродутного производства в Центральном Предкавказье. На остальной территории ареала (Чечено-Ингушетия) месторождения железа встречаются реже, запасы их невелики. Данные палеоботаники, климатологии, остеологии и некоторые другие свидетельства говорят о наличии в изучаемое время в предгорно-плоскостной зоне Центрального Предкавказья и бассейна р. Терека лесных массивов, достаточных для развертывания железоделательного производства.

Важным условием возникновения и развития местной черной металлургии была металлургия цветная как необходимая технологическая предпосылка железоделательного производства, существование которой на изучаемой территории убедительно доказано, прежде всего оригинальной рецептурой бронзовых сплавов, находками соответствующего инструментария, а также целых производственных комплексов (Сержень-Юрт), включающих медеплавильные печи (Е.И. Крупнов, В.И. Козенкова, Т.Б. Барцева, А.Р. Магомедов и др.).

В главе I "Проблема освоения железа населением Центрального Предкавказья и бассейна р.Терека в археологической литературе" проделан историографический анализ литературы по вопросам, составляющим предмет исследования. Он охватывает работы не только по Центральному Предкавказью и бассейну р.Терека, но и по другим районам Северного Кавказа, без чего невозможно понять специфические особенности освоения железа на изучаемой территории.
Почти все исследователи древностей позднебронзового и раннежелезного века Северного Кавказа признают определяющее влияние черной металлургии Закавказья на развитие местного железоделательного производства и даже прямой импорт железных изделий (не позднее IX в. до н.э., по В.Г. Котовичу). Однако закавказское влияние отнюдь не абсолютизируется ими. Е.И. Крупнов и М.И. Пикуль признают, что первому знакомству с железом жители Северного Кавказа обязаны племенам Закавказья, но считают, что впоследствии северокавказские племена сами освоили производство железных вещей, копируя первоначально предметы из бронзы. В.Г. Котович, опираясь на исследования ученого-металлурга А.А. Байкова, полагает, что железоделательное производство зарождается у северокавказских племен на базе местной металлургии меди с переходом к выплавке этого металла из колчеданов (регенерация железа), не отрицая при этом возможности заимствования с юга кричного способа получения железа. Эту точку зрения поддерживает О.М. Давудов. Возможными путями проникновения

импортных закавказских изделий из железа (и элементов технологии их производства) на Северный Кавказ могут считаться Прикаспийский путь и горные перевалы Большого Кавказа.

Появление железных предметов в материальной культуре северокавказских племен знаменует собой, по мнению исследователей, переходный период от бронзы к железу, который определяется для всего региона рубежом II-I тысячелетий до н.э. (Е.И. Крупнов), либо X в. до н.э. (Б.В. Техов). Критерии выделения переходного периода требуют к себе большого внимания, ибо появление отдельного железного предмета в виде украшения среди обилия бронзовых вещей еще ни о чем не говорит (Б.А. Колчин). В этом смысле показательны выводы дагестановедов. По М.И. Пикуль, переходный период для территории Дагестана устанавливается в рамках XI-VII вв. до н.э., по В.Г. Котовичу - XII-VIII вв. до н.э. Кстати, В.Г. Котович указывает, что факты нахождения железных шлаков на Нижнесигитминском поселении (которое он в последнее время датировал серединой II тысячелетия до н.э.) отнюдь не свидетельствуют о наступлении железного века на Северном Кавказе. О.М. Давудов определяет время производства из железа некоторых видов оружия и предметов украшения как переходное от эпохи бронзы к эпохе раннего железа. С точки зрения Б.А. Колчина (с которой мы вполне солидарны), говорить о начале железного века можно лишь тогда, "когда железо становится конструктивным поделочным материалом и из него изготовляются орудия труда, оружие и инструменты ремесленников".

Знакомство с литературой по отдельным районам Северного Кавказа говорит о том, что переход к использованию железа происходил здесь далеко не одновременно. Период начального освоения железа на Северо-Западном Кавказе Е.П. Алексеева делит на два этапа: ранний (IX в. до н.э.) и поздний (VIII - первая половина VII в. до н.э.), констатируя, однако, что комплексы раннего этапа характеризуются отсутствием железных предметов. В центральной части Северного Кавказа переходный период от бронзы к железу определяется XI-X вв. до н.э. (Е.И.Крупнов). Время же с IX до середины VII в. до н.э., по мнению ученого, примечательно заметным распространением железа. Выводы Е.И. Крупнова были дополнены Б.В. Теховым, считающим, что этот металл появляется в памятниках материальной культуры Центрального Кавказа в конце X в. до н.э., знаменуя собой начало периода раннего железа. В.Г. Котович датирует широкое распространение железа на Северо-Восточном Кавказе

IX – первой половиной УП в. до н.э. Но картина данного явления представляется здесь более сложной. Плавка железа у восточных кобанцев документирована лишь с середины I тысячелетия до н.э. Поэтому В.И. Козенкова и А.Р. Магомедов резонно предполагают привозное (из Закавказья и Дагестана) происхождение немногочисленного железного инвентаря IX–УП вв. до н.э. из Чечено-Ингушетии. Широкое и даже массовое изготовление железных изделий жителями Дагестана относится в целом к УШ–УI вв. до н.э., хотя первые изделия из железа появляются здесь в X–УШ вв. до н.э. (М.И. Пикуль, О.М. Давудов, В.И. Марковин).

Большой интерес представляют суждения кавказоведов о факторах, ускорявших или тормозивших освоение железа. М.И. Пикуль, В.И. Козенкова, В.Г. Котович бесспорно правы, говоря о большой роли навыков и приемов, накопленных мастерами цветной металлургии и металлообработки как технологической предпосылки перехода к железоделательному производству. Однако традиции, сложившиеся в предшествовавшую эпоху обработки медных сплавов, были не всегда применимы к кузнечной обработке нового металла и могли тормозить его эффективное использование (Г.А. Вознесенская). К тому же на начальном этапе обработки железа, при несовершенстве железных орудий и малом количестве выплавки металла в сыродутных горнах (Б.Н. Граков), великолепно отлаженное производство высококачественной бронзы (не уступающей по твердости лучшим сортам мягкой стали) долгое время было вне конкуренции (Е.И. Крупнов). М.И. Пикуль, Б.В. Техов и О.М. Давудов видят и другие условия, стимулировавшие или замедлявшие развитие черной металлургии: I) наличие поблизости железорудных месторождений или, наоборот, удаленность от них; 2) относительная географическая изолированность от Закавказья. Решающий же толчок железоделательное производство северокавказских племен получило, как полагают многие археологи-кавказоведы, в период скифских походов, которые способствовали широким контактам между собой весьма удаленных друг от друга племен и народов (Б.Б. Пиотровский, Е.И. Крупнов, В.Б. Виноградов, Ю.Н. Воронов, О.М. Давудов, В.И. Козенкова). Это мнение поддерживает металловед Г.А. Вознесенская и недооценивает В.Г. Котович.

Наличие или отсутствие железных предметов в археологических памятниках конца П – начала I тысячелетия до н. э. служит для всех специалистов по этой эпохе одним из общепризнанных критериев установления относительной древности. Отдельные исследователи считают возможным придавать ему определяющую роль (В.Г.Котович, О.М. Давудов). Специальных исследований по проверке датирующей значимости железных вещей до сих пор не проводилось. Попытки изучения технологии изготовления железных предметов, относящихся ко времени начала освоения этого металла, все еще носят крайне эпизодический характер. Они фиксируют отдельные особенности изготовления железных изделий кузнецами Центрального Предкавказья и бассейна р.Терека, но не позволяют дать ей развернутую характеристику (Е.И. Крупнов, Б.А. Шрамко и др.).

В данной главе подчеркивается, что новые данные, полученные в ходе полевых работ 60–70 гг. в предгорно-плоскостной зоне изучаемой территории, до сих пор не получили должного обобщения, хотя в существенной мере корректируют приведенные выше суждения археологов-кавказоведов о характере и особенностях начала освоения железа в этой части северо-кавказского региона.

В главе П "Основы хронологии местных памятников XI–УП вв. до н.э. и этапы внедрения железа в культуру автохтонов" определяются принципы датирования древностей исследуемого ареала в соотношении с хронологией одновременных памятников юга Европейской части СССР и Закавказья, что служит цели установления верхней границы эпохи поздней бронзы на предгорно-плоскостной территории Центрального Предкавказья и бассейна р.Терека и создает основу для попытки выделения ступеней процесса освоения железа местными племенами.

При рассмотрении памятников рубежа П–I тысячелетий до н.э. и самого начала I тысячелетия до н.э. из Центрального Предкавказья отмечается, что они характеризуются полным отсутствием железных и биметаллических предметов (Боргустанский и Бекешевский клады, погребение на горе Бык, ранние материалы гробницы № 2 Терезинского могильника и др.). Основанием для датировки ведущих комплексов этой эпохи служат вещи белозерского типа (например, кельты из Бекешевского клада)[I] и предметы наиболее архаичных кобанских типов (гробница № 2 у с. Терезе).

В IX–УП вв. до н.э. вся территория Центрального Предкавказья оказывается охваченной кобанской культурой, которая переживает

I. Необходимо отметить, что в настоящей работе при рассмотрении северокавказских комплексов, содержащих предметы белозерского типа, мы придерживаемся хронологии позднесрубных древностей Северного Причерноморья, принятой А.И.Тереножкиным и В.В.Отрощенко.

почти в это же время свой блестящий расцвет (Е.И. Крупнов). Период IX – первой половины УП в. до н.э. знаменателен установлением контактов носителей кобанской культуры с киммерийско-скифским миром. Поэтому решение вопросов хронологического разделения памятников Центрального Предкавказья (как и бассейна р.Терека) невозможно без широкого использования опыта специалистов по киммерийско-скифской эпохе (Н.В. Анфимов, А.И. Тереножкин, А.М. Лесков, В.Б. Виноградов, Б.В. Техов, Ю.Н. Воронов, В.Г. Котович, О.М. Давудов и др.). Из работ указанных исследователей явствует, что наиболее динамичными категориями материальной культуры у населения Кавказа и Юго-Восточной Европы, быстрее других развивавшимися в соответствии с переменами в экономике и военном деле, были предметы вооружения и конской сбруи, которые и играют решающую роль в относительном и абсолютном датировании памятников предскифского времени.

Ключом к выделению старших и позднейших предскифских памятников Юга Восточной Европы и северокавказского региона послужили материалы раскопанных Н.В. Анфимовым протомеотских могильников в Прикубанье (у с.Николаевского и хут.Кубанского). Состав инвентаря данных памятников (главным образом конского убора) послужил А.И. Тереножкину основанием для выделения черногоровской и новочеркасской ступеней в развитии раннекочевнических памятников степного Юга, датированных им соответственно 900–750 гг. и 750–650 гг. до н.э. Согласившись с этой периодизацией, А.М. Лесков совершенно иначе датировал обе ступени: первую – серединой УШ – началом УП в. до н.э., вторую – концом УШ – началом последней четверти УП в. до н.э.

Для наших целей очень существенно то, что несмотря на расхождения во взглядах, строящиеся на различном понимании хронологии предшествующей срубной культуры, оба археолога синхронизируют памятники Черногоровско-Камышевахского типа с Эчкивашским могильником, а Новочеркасские – с захоронениями предскифской эпохи Каменномостского могильника и могильников под № I на Кисловодской мебельной фабрике (далее ЮМФ) и Султангоре. Нами принимается датировка черногоровско-камышевахского этапа, предложенная А.И.Тереножкиным. Она и служит основой для дальнейших построений. Уже отмечалось, что эволюция форм удил и псалиев предскифского времени играет ведущую роль в наших хронологических разработках. Недавно В.Г. Котович и О.М. Давудов, пользуясь закавказскими аналогиями, предприняли попытку значительно удревнить датировку основных типов металлической конской сбруи IX–УП вв. до н.э. с территории Северного Кавказа. Проделанный нами анализ основных посылок этих археологов демонстрирует объективность существующего разрыва между появлением металлической конской сбруи в Закавказье (XIУ–XШ вв. до н.э.) и на Северном Кавказе (IX–УШ вв. до н.э.).

В число комплексов IX-первой половины УШ в. до н.э. в Центральном Предкавказье мы включаем часть материалов Терезинского могильника, в том числе и гробницу № I (Х.Х.Биджиев, В.И. Козенкова), некоторые комплексы могильника № I на ЮМФ (погребения № 28 и 44), погребение № II-а Белореченского 2-го могильника, часть коллекции Сосновогорских могильников. Железные и биметаллические вещи здесь еще крайне редки. Особо знаменательно, что никаких следов производства железа или употребления железных предметов не обнаружено на кобанских поселениях Уллубаганалы-П в Карачаево-Черкесии (ранний слой X–УШ вв. до н.э.) и Змейском в Северной Осетии (тот же период). Иными словами, в раннее предскифское время население предгорно-плоскостной территории Центрального Предкавказья еще только переходит к освоению железа, знакомится с ним. То же самое наблюдается в Северном Причерноморье, где черногоровский комплекс материальной культуры предстает перед нами как переходная ступень от бронзового к железному веку (А.И. Тереножкин).

По мнению ученого, середина УШ в. до н.э. может рассматриваться как переходная пора от черногоровской к новочеркасской ступени. Судя по периодизации А.М. Лескова, памятники черногоровской и новочеркасской ступеней в течение некоторого времени сосуществовали, хотя исследователь и подчеркивает их разновременность. Материалы Центрального Предкавказья помогают лучше увидеть наличие переходного периода между обеими ступенями.

К редким пока комплексам переходного времени мы относим инвентари погребений: № 4 Эчкивашского, № 26 Березовского № I, № 32 Белореченского 2-го, № 2 Каменномостского (раскопки Е.И. Крупнова) могильников, № 34 могильника № I на ЮМФ. Для найденных в них вещевых наборов характерно сочетание предметов, свойственных ранней предскифской поре и позднейшему предскифскому периоду (бронзовые удила и псалии, наконечники стрел и другие предметы). Эти четыре комплекса можно датировать, как нам представляется, серединой – третьей четвертью УШ в. до н.э. Сочетание элементов конской сбруи черногоровской и новочеркасской эпох как будто бы фиксируется в опубликованном В.Г. Петренко наборе вещей из с. Александровского на Ставрополье. Однако, вопреки мнению исследователя, данный набор

трудно признать достоверным закрытым комплексом. Интересно, что даже в немногих погребениях переходного времени представлено довольно большое количество железных предметов: кинжалы с бронзовыми рукоятями, наконечники копий, топор, ножи, некоторые мелкие предметы. Примечательно, что эти факты совпадают с выводами А.И. Тереножкина и А.М. Лескова о времени начала широкого освоения железа в степях Евразии.

Основой датировки новочеркасских памятников А.М.Лескову служат главным образом материалы всаднического захоронения в Носачевском кургане, в частности бляхи из резной кости, находящие аналогии на ассирийских дворцовых рельефах эпохи Саргона II (722-705 гг. до н.э.) и Ашшурбанипала (668-624 гг. до н.э.) (Г.Т.Ковпаненко). Очень важно, что эти бляхи встречены в комплексе вооружения и конской сбруи, который может считаться эталонным для памятников новочеркасского типа (двукольчатые удила, трехпетельчатые псалии с лопастью наиболее развитого "классического" типа, наконечники стрел с ромбической и овально-ромбической головкой и пр.).

В Северном Причерноморье и лесостепном Поднепровье к памятникам, содержащим предметы того же типа, относятся находки в Зольном кургане и Бутенках, в Нижнем Подонье - Новочеркасский клад 1939 г. и курган у хут.Обрывского, в Прикубанье - могильник у хут.Кубанского. В предгорно-плоскостном Центральном Предкавказье к памятникам, давшим ведущие новочеркасские комплексы, относятся могильники под № I на ЮМФ, Султангоре, р.Березовке и у пос."Индустрия", могильник Станичный и др.

Опорой нижнего рубежа новочеркасской эпохи в данном районе служат погребения № I могильника № I на Султангоре, № 4 могильника № I у пос."Индустрия" и у Кабан-горы. Удила, псалии, наконечники стрел указанных типов и кобанские топоры, аналогичные экземпляру из Новочеркасского клада, обнаружены в них вместе с образцами панoплии закавказско-ближневосточного облика (пекторали, остатки чешуйчатых панцирей), которые попали в автохтонную среду, вероятно, в период летописных киммерийско-скифских походов в Переднюю Азию (В.Б. Виноградов), скорее всего, не позднее начала УП в. до н.э. Это положение мы попытались подкрепить анализом данных переднеазиатской письменной традиции и особенностей иконографии урартского пояса из погребения № 40 Тлийского могильника (по Б.В. Техову), где был найден топор, аналогичный новочеркасско-индустрийским.

Верхний рубеж новочеркасской эпохи в Центральном Предкавказье (первая половина - середина УП в. до н.э.) устанавливается по материалам комплексов, в которых, наряду с присущими ей элементами, встречаются находки предметов раннескифского типа (Лермонтовский разъезд) и вещей, обнаруживающих аналогии в памятниках УП-УI вв. до н.э. Алтая и Казахстана: гора Бештау, погребение № I4 могильника № I на ЮМФ (А.И. Тереножкин, Н.Л. Членова). По мнению А.М. Лескова, новочеркасские памятники сосуществуют с раннескифскими в течение Ш четверти УП в. до н.э. Однако в это время зенит новочеркасского культурного комплекса, явно тускнеющего и отступающего перед архаическими скифскими образцами, был уже позади, о чем ярко свидетельствуют данные раскопок В.Г. Петренко у хут. Красное знамя на Ставрополье. Верхний рубеж новочеркасских памятников, предложенный еще А.А. Иессеном, а затем поддержанный А.И. Тереножкиным (650 г. до н.э.), представляется нам наиболее правильным.

Новочеркасский период в предгорно-плоскостной зоне данного района характеризуется широким освоением железа, начавшимся еще на переходной ступени от черногоровской эпохи. В это время железное и биметаллическое оружие и орудия труда активно теснят бронзовые (наиболее показательны материалы могильника № I на ЮМФ), весьма заметно преобладая в количественном отношении. Представляется возможным выделить следующие ступени в процессе раннего освоения железа на рассматриваемой территории: I) IX - первая половина УШ в. до н.э. - переходный период от бронзы к железу; 2) вторая половина УШ - УП в. до н.э. - период широкого освоения железа. В конце УП - У в. до н.э. происходит массовый переход к использованию железа, когда оно полностью вытесняет бронзу из сферы производства оружия (исключение составляют наконечники стрел) и орудий труда.

Важнейшим источником по изучению начала освоения железа в предгорно-плоскостной зоне бассейна р.Терека являются Сержень-Юртовские поселение и могильник. При выделении этапов распространения железа в материальной культуре местных племен мы исходим из последней датировки В.И. Козенковой (1982 г.) ранних слоев поселения (X-УП вв. до н.э.), а также внутренней хронологии некрополя, обнародованной в 1977 г. Нижняя датировка данных памятников согласуется с материалами наших раскопок на культурно близком Сержень-Юртовскому Майртупском могильнике № 2, где впервые на предгорно-плоскостной территории Притеречья зафиксирована группа могил, датирующаяся не позднее рубежа II-I тысячелетий до н.э. В них

найдены сосуды, отделанные обмазкой, отсутствующие в могильниках у Сержень-Юрта и Ахкинчу-Барзоя, встречаются предметы белозерских типов, ведущие категории находок раннекобанской бронзы не обнаружены и т.д. Открытие данного объекта показывает ошибочность отнесения В.Г. Котовичем и О.М. Давудовым некоторых погребений Сержень-Юртовского могильника к XII-X вв. до н.э. и поспешность вывода В.И. Козенковой относительно того, что к X в. до н.э. культурное своеобразие восточнокобанских памятников уже сложилось (1978).

Против удревнения нижней даты Сержень-Юртовского могильника дагестановедами, осуществленного с учетом крайне редкого наличия железа в могилах первых веков I тысячелетия до н.э., говорит и предпринятый нами анализ основных датирующих категорий металлического инвентаря этих захоронений. Методически неверной является ориентация В.Г. Котовича и О.М. Давудова лишь на самые древние параллели (конец II тысячелетия до н.э. и ранее) бронзовому оружию закавказского типа из Сержень-Юрта в памятниках, например, Восточной Грузии, где аналогичные виды вооружения находились в употреблении вплоть до VIII-VII вв. до н.э. (К.Н. Пицхелаури). Устанавливается, что сам факт редкого наличия или отсутствия железных вещей в памятниках Северо-Восточного Кавказа является важным хронологическим признаком (прежде всего в плане относительного датирования), но отнюдь не универсальным средством для определения абсолютной датировки комплексов эпохи поздней бронзы - раннего железа. Этот вывод с полным правом можно отнести и к Центральному Предкавказью, где еще в новочеркасское время встречаются отдельные погребения воинов с исключительно бронзовым набором вооружения (погребение № 26 могильника № I на ЮМФ).

Ранний этап освоения железа на территории бассейна р.Терека отличается заметным своеобразием. Следы черной металлургии не зафиксированы на восточнокобанских поселениях начала I тысячелетия до н.э., а находки железных предметов редки. На Сержень-Юртовском поселении они составляют всего 4% от всех металлических изделий (В.И. Козенкова). Сходную картину дают погребальные памятники. Первые железные предметы появляются в погребениях Сержень-Юртовского могильника X - первой половины VIII в. до н.э. (железные ножи из погребений № 42 и 46), среди которых явно преобладают могилы черногоровского времени, где встречаются удила, псалии и наконечники стрел соответствующих типов. В группе захоронений с переходными чертами, датированной около середины VIII в. до н.э., уже появляются

железные и биметаллические предметы вооружения. В захоронениях второй половины VIII - рубежа VIII-VII вв. до н.э. число железных и биметаллических вещей растет (оружие, украшения). Для сравнения отметим, что в погребениях X-VIII вв. до н.э. Аллероевского I-го и Ахкинчу-Барзойского могильников железные предметы не найдены.

Полагаем, что X - первая половина VIII в. до н.э. для предгорно-плоскостной территории бассейна р.Терека - это еще эпоха поздней бронзы, когда отдельные железные предметы использовались автохтонами как украшения и предметы культа. Середину VIII-VII в. до н.э. можно именовать переходным периодом от бронзы к железу, в течение которого обитатели притеречных равнин близко знакомятся с изделиями из железа. Бесспорных же доказательств, что они овладевают технологией изготовления этого металла, еще нет, хотя железные копии местных бронзовых изделий, найденные в Сержень-Юртовском могильнике (погребения № 16 и 28) в условиях отсутствия на поселении следов кричного способа производства железа могут рассматриваться как некое свидетельство в пользу гипотезы В.Г. Котовича об использовании железа, полученного при плавке колчеданов. Лишь с конца VII в. до н.э. и в основном в VI-V вв. до н.э. орудия труда и оружие из железа решительно завоевывают здесь первенство в сфере материального производства и военном деле.

<u>В главе III</u> "Характеристика коллекции железных и биметаллических изделий" рассматриваются находки более чем 100 железных и биметаллических предметов из памятников изучаемого ареала, с целью выяснения их генезиса, что будет способствовать исследованию истоков становления местного железоделательного производства. Данная коллекция распадается на следующие категории: I. Предметы вооружения. 2. Орудия труда. 3. Украшения и предметы культа.

Наиболее значительной группой среди <u>предметов вооружения</u> являются наконечники копий. Они разделены на 5 типов, в основу выделения которых положена модификация формы пера. I тип - перо удлиненно-листовидной формы; II тип - подтреугольное перо с лопастями, переходящими во втулку под углом; III тип - перо подромбической или уплощенно-ромбической формы; IV тип - форма пера близка к лавролистной; V тип - перо ланцетовидной формы. Генезис выделенных типов бесспорно связан с культурами Закавказья эпохи поздней бронзы-начала раннего железа. При этом следует отметить, что ряд наконечников (главным образом I типа) являются дериватами местных бронзовых образцов, также имеющих южные истоки. Суммарная датировка исследуемых наконечников копий - VIII-VII вв. до н.э.

Другие виды вооружения из железа представлены единичными изделиями. Таковы: а) черешковый наконечник стрелы, аналогичный костяным восточногрузинским образцам УШ-УП вв. до н.э. (могильник № 3 на Султангоре); б) 2 кинжала с валикообразным навершием, но без перекрестия (гора Бештау, с.Пседах), связанные с культурой ранних кочевников новочеркасского времени; в) мечи скифского типа первой половины - середины УП в. до н.э. (Лермонтовский разъезд, "Сафоновский родник"); г) овальнопроушной топор из погребения № 34 могильника № I на КМФ, сходный с некоторыми находками средней и поздней бронзы с р.Сочи и Верхнекобанского могильника (XI-УШ вв.до н.э.); д) молоток с утолщениями посредине корпуса (первая половина - середина УП в. до н.э.) из могильника № I на Султангоре, входящий во П тип молотков-жезлов из Пятигорья (по нашей классификации). Мы, как и А.И. Тереножкин, считаем, что эти последние генетически связаны с цилиндрическими каменными молотками Нижнего Дона и Северного Причерноморья, но полагаем, что эти предметы получают дальнейшее развитие в местной среде. Данное мнение неудачно пытается опровергнуть В.И. Козенкова.

В главе предпринята попытка обрисовать генезис биметаллических мечей и кинжалов с крестовидной рукоятью (далее БМК КР), происходящих с территории региона. К этому вопросу обращались многие исследователи, пришедшие к различным точкам зрения: I. Формирование БМК КР происходило в киммерийской среде Северного Причерноморья на основе привозных бронзовых карасукских образцов, откуда они распространились на соседние территории (А.И. Тереножкин, А.М. Лесков и др.); 2. БМК КР возникли на базе кавказско-ближневосточного оружия и проникли затем в Восточную и Центральную Европу (Н.Л.Членова, В.Г. Котович и др.); 3. Место возникновения БМК КР трудноопределимо, устанавливается множественность центров их производства (Б.А. Шрамко, А.Х. Халиков и др.). Мнения некоторых археологов более конструктивны и включают в себя элементы указанных выше точек зрения (В.Б. Виноградов). Выводы специалистов нередко строятся на основе признака морфологического сходства тех или иных разновидностей БМК КР, из-за чего совершенно разные по происхождению и традициям изготовления изделия подчас умозрительно объединяются в генетически монолитный эволюционный ряд. В настоящей работе мы попытались исправить этот недостаток.

Коллекция северокавказских БМК КР (среди которых подавляющее большинство составляют находки с исследуемой территории) делится

нами на 4 группы. Их состав близок градации БМК КР Северного Кавказа, предложенной В.Б. Виноградовым. В I группу включены экземпляры с грибовидными навершиями, гладкоствольными рукоятями овального или прямоугольного сечения и прямыми, либо несколько опущенными вниз развитыми перекрестиями (Мугерган, Николаевское, КМФ, Баксан, Хосрех, Сержень-Юрт, изображения на киммерийских стелах из хут. Зубовского и с.Кизбурун-I). Последние совершенно не свойственны кавказскому культурному миру вплоть до начала I тысячелетия до н.э., что отметил В.Г. Котович. Это позволяет нам допускать степное влияние на оформление данной группы БМК КР Северного Кавказа. Датировка образцов первой группы - IX - рубеж УШ-УП вв. до н.э.

Во П группу входят экземпляры с грибовидными навершиями, гладкоствольными (редко рифлеными) рукоятями овального или круглого сечения и перекрестиями с подтреугольными или подпрямоугольными лопастями (Эчкиваш, КМФ, Кескем, Каменномостское, Хабаз, "Кавказ", изображение на стеле из с.Кизбурун-I). Морфология рукоятей кинжалов П группы тяготеет к ведущим признакам I и Ш групп. Промежуточное положение образцов П группы логично связывать с процессом взаимовлияния основных групп биметаллического оружия Северного Кавказа в позднейший предскифский период - представители этой группы еще неизвестны в Восточной Европе и могут рассматриваться сейчас как локальный вариант БМК КР Центрального Предкавказья. Дата П группы - середина УШ - первая половина УП в. до н.э.

В Ш группу (она самая многочисленная) включены экземпляры с уплощенно-грибовидными навершиями, плоскими рукоятями с кольчатой орнаментацией или ее модификацией - "бегущей спиралью" и перекрестиями с подтреугольными или подпрямоугольными лопастями (Сержень-Юрт, могильники № I на КМФ и р. Березовке, хут. Кубанский, ст. Змейская и др.). Сюда же мы включаем рукояти мечей с однорядным кольчатым орнаментом из могильника № I на КМФ и Кольцо-горы, которые можно рассматривать как результат влияния I группы БМК КР на Ш. Рукояти ранних образцов Ш группы определены нами как "посткассетно-рамочные", так как несут явные пережитки кассетной техники, присущей оружейному делу племен Северо-Западного Ирана, Талыша, Армении, Грузии, Центрального Кавказа во второй половине П - начале I тысячелетия до н.э. (Н.Л. Членова, М.Н. Погребова, А.А. Мартиросян, К.Н. Пицхелаури, Б.В. Техов и др.). В работе предлагается возможная эволюция техники изготовления рукоятей биметаллического и бронзового оружия Ш группы от кавказских дериватов кассетных об-

разцов переднеазиатского типа, среди которых можно искать прототипы исходных экземпляров Ш группы. Датировка БМК КР Ш группы – конец IX–УП в. до н.э.

В IУ группу вошли бимсталлические кинжалы с уплощенно-грибовидными навершиями, рамочными рукоятями двутаврового сечения и перекрестиями с подтреугольными лопастями (могильники № I на КМФ, р. Березовке и Султангоре, с. Каменномостское – курган 192I г., г. Кисловодск – случайная находка). По справедливому предположению В.Г. Котовича, эти кинжалы также восходят к закавказским и южнокавказским образцам типа Камо-Хивери второй половины П – начала I тысячелетия до н.э. К сожалению, проследить путь становления представителей IУ группы все еще трудно из-за полного отсутствия промежуточных форм. Датировка этой группы – конец УШ–УП в. до н.э. По-видимому, именно традиционность для кавказской среды кассетно-рамочных рукоятей обусловила наибольшую популярность и устойчивость БМК КР Ш и IУ групп на Северном Кавказе вплоть до появления мечей скифского типа. Это особенно хорошо видно на примере Ш группы, образцы которой все время развивались по пути поисков прочного соединения рукояти и клинка, несмотря на параллельное существование более совершенного оружия I, П и IУ групп, у которых черенок клинка значительно глубже входил в рукоять. Таковы, например, кинжалы с хут.Кубанского и ст. Абадзехской.

Орудия труда представлены железными ножами, серпами, шильями, втульчатым крюком. Железные ножи подразделяются на три типа: I – ножи с прямой спинкой и выпуклым лезвием; П – ножи с горбатой спинкой и прямым лезвием; Ш – серповидные ножи. Хотя ножи всех трех типов встречаются не только на Кавказе, но и во многих культурах Восточной Европы эпохи раннего железа, местное их происхождение, в частности от подобных же бронзовых (I и П типы), вряд ли вызывает сомнения (Е.И. Крупнов, М.М. Трапш и др.). Датировка – конец УШ–УП в. до н.э. в целом, хотя отдельные образцы бытовали и несколько ранее.

Железные серпы, подобные находкам из слоя Сержень-Юртовского поселения, впервые попадаются в Закавказье с конца IX–УШ в. до н.э. (А.А. Мартиросян, М.В. Менабде). Поскольку слой, в котором были найдены образцы, датирован IX–УШ вв. до н.э.(Н.Я. Мерперт), дата находок определяется не позднее УШ в. до н.э.

Шилья подразделяются на два основных типа: I – орудия с выделенным черенком; П – с необозначенным черенком. Аналогичные орудия

встречаются весьма широко в эпоху поздней бронзы – раннего железа на обширной территории Евразии. Хорошо известны они и на Кавказе, выполненные как в бронзе, так и в железе.

Втульчатый крюк из погребения № 2 I946 г. на Березовском могильнике № I, относимый к УШ–УП вв. до н.э., вполне убедительно трактуется А.П. Руничем как орудие для выделки кожи.

Украшения и предметы культа. В памятниках изучаемой территории они весьма немногочисленны – гривна, браслет, миниатюрные ножи и некоторые другие предметы (могильники Сержень-Юртовский, Майртупский № 2, Березовский № 4 и др.). Их сакральная атрибуция определяется по многочисленным данным кавказской и мировой этнографии, сведениям древневосточной и античной традиций и богатому фольклорному материалу (М.И. Пикуль, О.М. Давудов, Б.Н. Граков, Г.Е. Арешян, К.Х. Кушнарева и др.).

Таким образом, истоки большинства проанализированных в данной работе железных и биметаллических предметов различного назначения связаны с местной кавказской средой или же могут рассматриваться как продукт опосредованного влияния культур Передней Азии (биметаллические кинжалы Ш и IУ групп). Роль проводника переднеазиатского воздействия на Северный Кавказ выполняла территория Закавказья и Дагестана. Непреходяща ценность того факта, что названия железа, встречающиеся в языках народов Северо-Восточного Кавказа, имеют хуррито-хатто-аккадские параллели (И.М. Дьяконов, Ю.П. Вартанов, Вяч. Вс. Иванов). Часть этих заимствований может быть связана с эпохой скифских походов.

В заключении отмечается, что ранний этап освоения железа в предгорно-плоскостной зоне Центрального Предкавказья и бассейна р.Терека был далеко не однородным по темпам и степени интенсивности внедрения нового металла в быт населения на всей территории ареала. Устанавливается, что переходный период от бронзы к железу, который, как мы думаем, и открывает начало раннего этапа освоения железа, в Центральном Предкавказье охватывал IX – первую половину УШ в. до н.э., а в бассейне р.Терека – вторую половину УШ–УП в. до н.э. В культурных слоях бытовых памятников данного периода следы кричного способа получения железа отсутствуют, а найденные в погребениях железные и биметаллические вещи в основном привозного происхождения. Иными словами, "становление железной индустрии как целенаправленного и экономически обоснованного производства" (Б.А. Колчин) в этот отрезок времени еще не началось.

Во второй половине УШ-УП в. до н.э. племена Центрального Предкавказья прошли стадию широкого освоения железа, на которой и начинается, как мы полагаем, собственно эпоха раннего железа, а затем приступили к его массовому освоению. При этом весьма существенно, что железные и биметаллические предметы хорошо представлены здесь главным образом в инвентарях могильников, отличающихся в целом богатством и разнообразием вещевого сопровождения умерших. Хотя на территории Центрального Предкавказья не найдено еще следов древнего производства железа, на вероятность такового указывают железные дубли бронзовых предметов и сам факт значительного количества соответствующих артефактов в местных погребальных комплексах новочеркасской эпохи. Население же притеречных районов вступило в заключительную фазу раннежелезного века, минуя промежуточную ступень широкого освоения железа.

Более активное внедрение железа в Центральном Предкавказье в позднейшее предскифское время связывается нами с возросшей военной активностью ранних кочевников, влияние культуры которых лучше всего прослеживается в материалах Пятигорья. С одной стороны, широкое использование автохтонами железного и биметаллического оружия, большая часть коллекции которого датируется 750-650 гг. до н.э., можно рассматривать как следствие растущей агрессивности северных номадов. С другой стороны, связи со степным миром вероятно стимулировали участие некоторых групп западных кобанцев в киммерийских походах (о возможном участии представителей кобанских племен в военных предприятиях киммерийцев не раз писала В.И. Козенкова). Таким путем представители населения Центрального Предкавказья могли столкнуться с высокоразвитой металлургией железа, прежде всего - колхидской (Д.А. Хахутайшвили). Толчком для развития черной металлургии могли послужить и резко усилившиеся в УШ-УП вв. до н.э. традиционные связи жителей Центрального Предкавказья с обитателями Закавказья, под влиянием культур которого, как явствует из Ш главы, и оформились типы местного железного и биметаллического оружия и орудий труда. Не исключено, что здесь важную роль сыграли перемещения закавказских племен и народностей, связанные с киммерийским нашествием (Г.А. Меликишвили, Я.А. Федоров). Для развертывания производства железа в Центральном Предкавказье существовали и весьма благоприятные природные предпосылки (богатая железорудная база). Возможно, что в силу указанных причин процесс освоения железа протекал в данном районе заметно интенсивнее, чем в бассейне р.Терека. Население последнего в свете археологических

источников выглядит несколько обособленным от культурных и этнополитических процессов, происходивших в Юго-Восточной Европе, а также в центральных и западных районах Северного Кавказа. Это положение нуждается в самой серьезной оценке с позиций достаточно очевидного, на наш взгляд, влияния внешних (в частности политического) факторов на развитие черной металлургии автохтонов исследуемой территории.

Судя по имеющимся немногочисленным данным, мастера кузнечного дела, жившие в Центральном Предкавказье и в бассейне р. Терека в IX-УП вв. до н.э., умели производить изделия из железа, сырцовой и цементированной стали путем горячей ковки и кузнечной сварки. Применения термической обработки не зафиксировано. Те же приемы бытуют и у населения Восточной Европы, а также на южном склоне Центрального Кавказа и в Передней Азии (Б.А. Шрамко, Б.А. Колчин, Г.А. Вознесенская и др.). Выявить более полно специфические особенности местной технологии кузнечного дела пока не представляется возможным.

Подлинный же расцвет местной металлургии железа наступает в скифскую эпоху. Симптоматично, что население бассейна р. Терека, ранее явно отстававшее в данном отношении от обитателей Центрального Предкавказья, приступает к массовому освоению железа одновременно с последними, примерно с конца УП в. до н.э. Роль скифов в этом деле блестяще подкрепляется лингвистическими данными: по заключению В.И. Абаева, предки чеченцев и ингушей восприняли скифское название стали.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

1. О разновидностях бронзовых кинжальных клинков с территории Чечено-Ингушетии. - В кн.: Тезисы докладов и сообщений Ш Крупновских чтений. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1973 (0,1 п.л.).

2. Кинжал закавказского типа из Чечено-Ингушетии. - СА, 1973, 4 (0,1 п.л.).

3. Раскопки Аллероевского 2-го поселения. - В кн.: Тезисы докладов IУ "Крупновских чтений" по археологии Кавказа. Орджоникидзе, 1974 (0,1 п.л.).

4. Археологические разведки в Чечено-Ингушетии. - АО-1973. М., 1974 (0,25 п.л.,в соавторстве с В.Б. Виноградовым, Х.М. Мамаевым, В.А. Петренко).

5. К характеристике находок сибирско-казахстанского облика из древностей Пятигорья и бассейна Терека. - В кн.: Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа: Тез. докл. конф., Махачкала, 1975 (0,1 п.л.).

6. Разведочные работы в Чечено-Ингушетии. - АО-1974. М., 1975 (0,1 п.л.,в соавторстве с В.Б. Виноградовым, Х.М. Мамаевым, В.А. Петренко).

7. Рец. на кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. - ИСКНЦ ВШ, Ростов-на-Дону, 1975, 1 (0,5 п.л., в соавторстве с Х.М. Мамаевым, В.А. Петренко).

8. Раскопки могильника у сел.Ахкинчу-Барзой. - СА, 1976, 1 (0,4 п.л.).

9. О некоторых предметах погребального инвентаря из захоронений пятигорского варианта кобанской культуры. - В кн.: Археология Северного Кавказа. VI Крупновские чтения в Краснодаре: Тез. докл. конф., М., 1976 (0,1 п.л.).

10. Разведки памятников эпохи раннего железа в Чечено-Ингушетии. - АО-1975. М., 1976 (0,1 п.л., в соавторстве с В.А. Петренко).

11. Клад бронзовых предметов из с. Советское (Чечено-Ингушетия). - СА, 1977, 1 (0,3 п.л. в соавторстве с В.Б. Виноградовым).

12. Рец. на кн.: Давудов О.М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974. - ИСКНЦ ВШ, 1977, 1, Ростов-на-Дону (0,3 п.л.).

13. Разведки в Чечено-Ингушетии. - АО-1976. М., 1977 (0,1 п.л., в соавторстве с Х.М. Мамаевым).

14. Погребальный обряд племен Центрального Предкавказья раннежелезного века как источник по изучению первобытной идеологии.- В кн.: Археология и вопросы атеизма. Грозный: ЧИГУ, 1977 (0,9 п.л.).

15. Поселение "Подкумский мост". - В кн.: УШ Крупновские чтения: Тез. докл. конф., Нальчик, 1978 (0,1 п.л.).

16. Новое о связях кобанской культуры с Югом Восточной Европы. - В кн.: Археологические исследования на Украине в 1976-1977 гг.: Тез. докл. конф., Ужгород, 1978 (0,1 п.л., в соавторстве с В.Б. Виноградовым).

17. Работы Кисловодского отряда. - АО-1977. М., 1978 (0,1 п.л., в соавторстве с Я.Б. Березиным).

18. Материалы предскифского времени из Чечено-Ингушетии. - СА, 1979, 1 (0,8 п.л., в соавторстве с В.Б. Виноградовым).

19. Исследования в Кисловодске. - АО-1976. М., 1979 (0,1 п.л.).

20. О причинах миграции кобанских племен в предгорно-плоскостные районы в начале I тысячелетия до н.э. - В кн.: Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный: ЧИГУ, 1979 (0,5 п.л.).

21. Некоторые итоги разведок памятников начала раннего железа в Пятигорье и Чечено-Ингушетии. - В кн.: Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный: ЧИГУ, 1979 (0,5 п.л., в соавторстве с Т.Н. Власовой).

22. К вопросу о колхидо-кобанском импорте в Восточной Европе. - В кн.: Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы: Тез. докл. конф., Донецк: Дон.ГУ, 1979 (0,1 п.л.).

23. К вопросу о функциях железных предметов в эпоху поздней бронзы - раннего железа (Центральный и Северо-Восточный Кавказ). - В кн.: X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. конф., М., 1980 (0,1 п.л.).

24. Киммерийско-кавказские связи. - В кн.: Скифия и Кавказ. Киев: Наук. думка, 1980 (1,5 п.л., в соавторстве с В.Б. Виноградовым и А.П. Руничем).

25. Проблема генезиса кобанской культуры в трудах археологов-кавказоведов. - В кн.: Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып. 2. Грозный: ЧИИИСФ, 1980 (0,25 п.л.).

26. Рец. на кн.:Шамиладзе В.М..Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. Тбилиси, 1979. - В кн.: Быт и культура юго-западной Грузии, УШ, Тбилиси: Мецниереба, 1980 (0,6 п.л., в соавторстве с В.Б. Виноградовым).

27. О ранних погребениях Аллероевского I-го могильника. - В кн.: Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный: ЧИИИСФ, 1981 (0,6 п.л.).

28. Работы в Чечено-Ингушетии и Пятигорье. - АО-1980. М., 1981 (0,1 п.л.).

29. К этнической трактовке предкобанских древностей восточ-

ной части плоскостного Притеречья. - В кн.: Археология и краеведение - вузу и школе: Тез. докл. конф., Грозный, 1981 (0,1 п.л.).

30. К толкованию иконографии некоторых античных изображений киммерийцев. - В кн.: Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе: СОГУ, 1981 (0,8 п.л., в соавторстве с С.В. Махортых).

31. Память древней земли. - В кн.: Вехи единства. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1982 (0,2 п.л., в соавторстве с Б.А. Ахмадовым и Х.В. Алатаевым).

32. К изучению материалов рубежа II-I - начала I тысячелетия до н.э. из плоскостной Чечено-Ингушетии.-В кн.: Новые памятники эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии. Грозный: ЧИИИСФ, 1982 (1,0 п.л., в соавторстве с Р.А. Даутовой и Т.Н. Власовой).

33. О некоторых особенностях культурного процесса у племен эпохи поздней бронзы восточной части плоскостной Чечни.-В кн.: Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа: Тез. докл. конф., Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1982 (0,2 п.л.).

34. Элементы семейно-бытовой обрядности в погребениях II-I тысячелетий до н.э. (Горная Чечня). - В кн.: Семейно-бытовая обрядность вайнахов. Грозный: ЧИИИСФ, 1982 (0,5 п.л., в соавторстве с В.Б. Виноградовым).